

Юбилей Веч. клуб. - 28 дек. 1996 - 8 янв. 1937 - с. 7

От мелочиста до корифея

Слова князя оказались пророческими

Празднует свое двадцатилетие один из самых необычных музыкальных коллективов мира — ансамбль ударных инструментов Марка Пекарского. Ударные долго считались инструментами второго сорта — «низменными», уличными, цирковыми, простонародными. Да и в симфоническом оркестре их не слишком жаловали — так, что-то иллюстративное, гром изобразить. Или гнев богов. Всякие там барабаны, тарелки, кастаньеты... Несерьезно! И вот — оказалось и серьезно, и красиво, и выразительно. О своей необычной судьбе рассказывает создатель и руководитель ансамбля Марк Пекарский.

Все нормальные дети играли или на скрипке, или на виолончели, или на фортепиано. Я лично хотел бы на последнем. Но мы жили в коммунальной квартире — ставить рояль было и некуда, и не по средствам — папа был инвалидом войны. А еще больше мне хотелось быть актером. Ну и когда старший брат сказал мне: «Пойдем, будешь учиться играть на ударных», я брезгливо поморщился. Но сопротивлялся вяло — мальчик я был послушный и тихий.

В школе отбивал ритмы по парте. А дома у меня был стульчик, я подкладывал губки, тряпье и обтягивал кожей. Это и был мой барабан. Занимался я, занимался — и дозанимался до того, что поступил в Гнесинское училище.

Характер у меня скверный, я любил говорить то, что говорить совсем не следовало, и после училища стал скитаться по разным ансамблям. Помотавшись так годик-другой, решил, что все же надо поступить в Гнесинский институт. Там до сих пор существуют три профилирующих инструмента, на которых ведется обучение: малый барабан, ксилофон и литавры. Все-

му этому я, естественно, обучался, добавляя по ходу дела то, что в оркестре именуется «мелочью» — тарелки, бубен, кастаньеты, треугольник и массу латиноамериканской «перкуссии». Плюс колокольчики, колокола и даже тамтам. Кстати, эта вакансия в оркестре так и именуется: «мелочист».

Дошел я до второго курса института, а потом взял академический отпуск и поступил в оперно-симфонический оркестр Гостелерадио под управлением Арановича. Сколько бездарных советских опер довелось мне тогда переиграть! Даже «Великую дружбу» Мурадели, наделавшую в свое время столько шума.

Как-то раз болтаюсь по коридорам в институте и встречаю одного из педагогов, Лазаря Михайловича Гурского, который говорит: «Вот ты-то мне и нужен! Тут мне концерт один дали играть, а я никак не могу — у меня на кинохронике смена как раз в это время...» И отдал мне ни много ни мало концерт Денисова для флейты, гобоя, фортепиано и ударных. Когда я просмотрел свою партию — в глазах потемнело.

Я там увидел названия ин-

струментов, которых раньше ни разу в жизни не встречал. Например, темпль-блок. Хорошо, у одного старого музыканта, Ивана Александровича Бачеева, игравшего еще в джазах Цфасмана и Кнушевицкого, такой темпль-блок нашелся. Он мне его дал, и я стал учить эту каденцию. Четыре бонга, темпль-блок и тарелки. Выучил. Но что была эта каденция по сравнению с третьей частью, додекафонной! Я, привыкший всюду находить мелодию, вдруг такой не обнаружил! Там-пам, там-пам, та-да-да-да! Все это на маримбе. И это надо было выучить да еще и высчитать, потому что метр был пять восьмых, которые переходили в семь шестнадцатых и так далее. И тут я понял, что ничего не знаю и ничего не умею! Для меня пределом сложности была партия ударных в Седьмой симфонии Шостаковича или в «Болеро» Равеля... либо «Шехерезада»... или литавры в симфониях Чайковского.

Кстати, концерт этот устраивал Курчатовский институт, физики в начале 60-х годов проводили много таких концертов — то Галич с Окунджавой, то молодые джазмены, то Денисов с Губайдулиной. Так что для меня в области новой музыки покойный Эдисон Васильевич Денисов стал крестным отцом. Ему в свою очередь понравилась моя игра, и он даже пригласил меня к себе домой. И дал мне послушать пластинку с записью Страсбургского ансамбля ударных инструментов.

Потом Денисов познакомил

меня с композитором Андреем Волконским, который спросил меня: «А что, товарищ Пекарский, знаком ли вам Страсбургский ансамбль ударных?» Я аж зашелся, задохнулся от радости и сказал речь, полную детского восторга. Волконский почесал себе лоб, потом затылок и рек: «А знаете, товарищ Пекарский, что у вас будет такой ансамбль?» Это был год примерно 1967-й. Слова князя оказались пророческими...

Года через три я сделал на радио свою первую запись. Собрал музыкантов и записал два произведения: «Октябрьскую гору» Алана Хованеса (американца армянского происхождения) и «Токкату» мексиканца Карлоса Чавеса. Причем оказалось, что первое название надо видоизменить, потому что октябрь должен был ассоциироваться только с Октябрьской революцией (назвали «Горы осенью»).

Потом я играл в «Мадригал», где в основном импровизировал. Делать это научил меня тот же Волконский. Он сам был блестящим импровизатором. Вместе с ним мы записали массу музыки для кино и театра. «Давайте-ка здесь сыграем сюрреалистический вальс», — говорил Андрей на записи как-то либо киргизского фильма. Вот и все. Остальное я должен был делать сам.

А мой ансамбль возник так. Однажды я спустился в «редактуру малых залов» филармонии и сказал: «Мне очень хотелось бы сыграть концерт только ударной музыки. Можно?» — «Мож-

но». И назначили число. И вот 6 декабря 1976 года при огромном стечении народа (даже стеклянная дверь была разбита, вследствие чего директриса зала со мной потом несколько лет не здоровалась) мы выступаем в зале Дома ученых. Концерт открыл антракт для ударных инструментов из оперы Шостаковича «Нос», потом были уже известные вам Хованес и Чавес. Я даже представил публике собственное сочинение «Сигналы битвы» — взял ренессансные военные сигналы XVI — XVIII веков и развернул их в некую панораму — с трубами, литаврами. Успех тем не менее был грандиозным.

Кто мои авторы сегодня? Их число заметно поредело — иных уж нет, а те... Денисов умер, Раскатов и Шнитке — в Германии, Волконский двадцать лет как в Швейцарии. Много пишет Мартынов. Кое-что создали для нашего ансамбля Вустин, Екимовский. Совершенно потрясающую музыку пишет для нас петербуржец Александр Кнайфель. Играем мы и современных западных авторов. А вообще-то свою задачу я вижу в исполнении музыки, созданной в России.

Записал
Аркадий ПЕТРОВ.
Фото
Валерия ПЛОТНИКОВА.